

М. М. Магомедханов

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ ЗАПАДНОГО ДАГЕСТАНА

Примерно из ста языков коренных народов России, которые различаются по ареалу распространения, числу носителей, правовому и функциональному статусу и т.д., более половины сосредоточено в пределах Северного Кавказа и Дагестана. Но даже на фоне многоязычного Дагестана западная его часть отличается исключительной и, пожалуй, уникальной в мире этнической и языковой мозаичностью.

Реалии этноязыковой жизни складывались в Дагестане таким образом, что ни один из языков, кроме русского, не стал здесь общеупотребительным. Однако разносторонние связи между народами способствовали возникновению различных по сферам применения, ареалам и масштабам распространения форм дву- и многоязычия. Так, помимо тюркского (азербайджанского) языка, который использовался в качестве языка межэтнического общения, торговли, образования и культурного творчества преимущественно в Южном Дагестане, функции региональных языков межэтнического общения выполняли также кумыкский, аварский и лакский языки (*Джидалаев Н.С.*, 2004. С. 34–48).

На протяжении тысячелетия функции языка религии, образования, науки, художественного творчества, делопроизводства принадлежали в Дагестане арабскому языку (*Гамзатов Г.Г., Шихсаидов А.Р., Гаджиев М.С., Абдуллаев И.Х., Исаев А.А., Алибекова П.П.*, 2006. С. 247–310).

Владение двумя и более языками воспринималось в Дагестане как явление обычное. Гинухцы, например, помимо гинухского знают еще цезский и бежтинский языки, а со школьного возраста осваивают аварский и русский языки. «Бежтинцы, цезы, гунзибцы, гинухцы в своем «микрорайоне» общались между собой на цезском или бежтинском языках... с грузинами они общались на грузинском языке».

Багулалы, отчасти чамалалы, хваршины с. Инхоквари владеют тиндинским языком. «Все хваршинцы в той или иной степени владеют аварским языком. Отдельные хваршинцы знают язык непосредственных соседей: либо тиндинский, либо чамалинский, либо годоберинский; есть и такие, которые знают все эти языки... все инхокваринцы знают язык ближайших соседей – тиндинский» (*Джидалаев Н.С.*, 2000. С. 435–436).

Тиндалы утверждают, что они немного понимают годоберинский, каратинский и андийский языки, а между багулальским и тиндинским языками находят примерно такие же различия, как между салатавским и тляротинским диалектами аварского языка. Некоторые из годоберинцев в той или иной мере могут изъясняться на багулальском и чамалальском языке.

В XIX – первой половине XX вв. мужское население Западного Дагестана (дидойцы-цезы, гинухцы, бежтинцы, гунзибцы, хваршины и др.), занимавшееся торговыми перевозками в Грузию, осваивало грузинский язык. Торгово-экономические связи с Чечней андийской группы народов, в частности андийцев, ботлихцев, годоберинцев, багулалов, способствовали тому, что среди этих народов (в основном мужчин) получил распространение чеченский язык.

Однако общим для всех народов Западного Дагестана и арчинцев стал аварский язык. Среди множества причин и условий становления в Западном Дагестане авароязычной культурной среды следует особо выделить полиэтничность данного

региона, которая усложняется еще и тем, что к территориям расселения упомянутых выше андо-цезских народов вплотную примыкает ряд возникших в разное время авароязычных селений. Так, среди багвалинцев, чамалинцев, тиндинцев, хваршинцев и др., на территории известной под названием Ункратль (с аварск. «четыре земли») расположены аварские сс. Саситль, Сильва, Гако, Кидиб, Хваршины, Митрада и Сихалах. В союз сельских общин «Технуцал» с центром в с. Ботлих, по данным Н.С. Джидалаева, помимо ботлихцев (сс. Ботлих, Миарсо и хутор Ашино), годоберинцев (сс. Верхний и Нижний Годобери, Зибирхали), андийцев (сс. Кванхидатль, Муни, Рушуха, Орта-кола) и чеченцев (отселки Арас-Гариколи, Акишаин Коло), входили и собственно аварцы (сс. Хелетури, Ансалта, Рахата, Шодрода, Тандо, Тасута). Каратинское с. Тукита «находилось в плотном окружении аварских селений, входящих в Хунзахскую общину», а в Гидатлинское общество, говорящее на гидском диалекте аварского языка, входили ахвацкие селения Глянуб, Цекоб и Ратлуб (*Джидалаев Н.С., 2004. С. 42– 43*).

Дагестанская действительность дает примеры относительной индифферентности народов к своему этническому самоопределению. Показателен в этом отношении пример бежтинцев, народа с почти полным языковым и культурно-бытовым однообразием. Относящиеся к ним экзоэтнонимы они воспринимают безоговорочно, т.е. они знают, что аварцы их называют «хъванал», цезы – «кибураби», грузины – «капучилеби». Поскольку бежтинцы знали и аварский, и цезский, и грузинский языки, аварцам они представлялись как «хъванал», цезам как «кибураби», грузинам как «капучилеби». То, что они составляют общество «хъванал», состоящее из трех самостоятельных джамаатов (Бежта, Хошархота и Глядал), и что у них свой особый язык, им, разумеется, давно известно. В период военно-народного управления с. Бежта было выбрано в качестве административного центра участка, названного царскими властями Бежтинским. Названия «капучинское общество», «капучины», «капучинцы» постепенно стало выходить из употребления. Между тем под названиями «бежтинцы» жители сс. Хошархота и Глядал и по сей день подразумевают не себя, а именно жителей с. Бежта.

Столь же неопределенной, как и у бежтинцев, представляется этническая самоидентификация гунзибцев. Как писал Е.М. Шиллинг, «хунзалы (т.е. гунзибцы. – Авт.) ближе всего стоят к бежтинцам.

Окружающее население (бежтинцы и аварцы) зачастую тоже хунзалов считает или считало теми же бежтинцами, но лишь обладающими особым наречием и говорами. Некоторые местные версии группу хунзальских аулов прямо причисляют к обществу Хванал» (*Панек Л.Б., Шиллинг Е.М., 1996. С.37*).

С точки зрения отличий между профессиональным этнологом и исследуемым им этносом в восприятии и уровне обобщений этнографических реалий интересно и следующее замечание Е.М. Шиллинга: «Приведенные факты свидетельствуют, конечно, о значительности бежтинско-хунзальской близости. Однако, – писал он, – в настоящий момент нет оснований отбрасывать принятое лингвистическое определение (выделяющее хунзальскую речь в качестве особого языка) и причислять этот маленький народ к бежтинцам» (*Панек Л.Б., Шиллинг Е.М., 1996. С.38*).

По наблюдениям П.Т. Магомедовой, «багвалинцы общего самоназвания не имеют, называют себя по названию селения: хуштадинцы, тлондодинцы, кванадинцы, гимерсинцы и т.д... Так же называют их близкие соседи. Аварцы называют их багвалал (багвалинцы), а в специальной литературе они известны под разными названиями: багвалинцы, багуляльцы, багулалы, кванадинцы» (*Магомедова П.Т., 2000а. С.319*).

В характерной в целом для Западного Дагестана кажущейся неопределенности и запутанности этнических номинаций попытался разобраться на примере хваршин Н.С. Джидалаев. « Хваршины, – по его словам, – не имеют общего для

всех носителей языка самоназвания, они сами себя представляют по названию своего села. Соседи также не имеют обобщающего названия для хваршинцев... названия «хваршинский язык» и «хваршинцы» носят условный характер и ничем не обусловлены... Хваршины – жители всех селений – сознают себя народностью. Они внутри района, где живут и другие народности (тиндинцы, чамалинцы и т.д.), выделяют себя как жители «Хваршинского ущелья». В соседнем районе они называют себя цумадинцами, за пределами своего региона и Дагестана – аварцами. Паспортизируются они как аварцы и считают, что принадлежат к аварской культуре» (*Джидалаев Н.С.*, 2000. С.436).

По оценочным данным, ахвахцев насчитывается примерно 6,5 тыс. человек. Живут они в одноименном Ахвахском и Шамильском (сс. Ратлуб, Тлянуб, Цекоб) районах и делятся на «северные» (Цунта-Ахвах) и «южные» (Ратлу-Ахвах) диалектные и этнографические группы (*Лугуев С.А.*, 1994. С. 99). Одно из ахвахских сел – Ахвах-Дере, находится уже за рубежом, в Закатальском районе Азербайджана.

Обстоятельные сведения о специфике языковой ситуации и самосознании ахвахцев приводит З.М. Магомедбекова: «Естественная преграда (Анчаро-меэр) затрудняет общение между южными и северными ахвахцами. Изолированное расположение ахвахцев-северян, территориальная близость их селений друг к другу способствовали тому, что североахвахская речь не делится на диалекты и говоры... В южном диалекте выделяются три говора: ратлубский, тлянубский, цегобский. Цегобский говор самый характерный и наиболее отдаленный от северного типа. Северный и южный диалекты географически почти оторваны друг от друга... Экономически южане тяготеют к аварцам, а северяне – к каратинцам. Отчужденность от своих соплеменников, – отмечает автор, – доходит до того, что южные ахвахцы не считают себя ахвахцами и предпочитают называть себя по названиям аулов. Общего термина, объединяющего южан, нет, но они имеют такое название для северян: садакиличИ. Северяне же называют территорию южных ахвахцев Ратлуб-Ахвах, а самих южноахвахцев – чаще по названиям аулов... Разница между северным и южным диалектами довольно значительная. Представители разных диалектов говорят между собой в основном на аварском языке, а не на своих диалектах. Ратлубцы с северо-ахвахцами говорят на своем диалекте, но все же для общения предпочитают аварский язык. Цегобцы с северными своими соплеменниками общаются на аварском языке. Этнографически, – продолжает автор, – северные и южные ахвахцы сильно отличаются друг от друга... Южные ахвахцы по обычаям ближе стоят к аварцам, точнее, к батлухским аварцам, с которыми они в соседстве» (*Магомедбекова З.М.*, 2000. С. 306–307).

Надо сказать, что влияние географической изолированности и внутриязыковых диалектных различий на этническую самоидентификацию не носит универсальный характер. Например, тоkitинский диалект каратинского языка отличается от собственно каратинского диалекта настолько, что в общении между собой носители этих диалектов употребляют, как и цегобцы при общении с «северными своими соплеменниками», аварский язык. Но в отличие от цегобцев, явно сомневающийся в том, что они ахвахцы, жители Токита относят себя к каратинцам.

Наличие в каком-либо языке диалектов, говоров, наречий является важным критерием этнокультурной интеграции народа. Однако значение внутриязыковых различий для определения степени выраженности этничности неоднозначно, т.к. нередко отдельные части этноса, сохраняя значительные языковые и культурно-бытовые отличия, могут обладать выраженным сознанием своей общности и единства. Недоразумения же вокруг «отсутствия общего самоназвания» у тех или иных дагестанских этносов обусловлены, на наш взгляд, не только субэтническими различиями в языке и бытовой культуре, но и спецификой традиций социально-политической самоорганизации сельских обществ Дагестана. Традиции эти

зигидились на началах гражданственности лично свободного сословия узденей – основы социальной структуры дагестанских сельских обществ (Агларов М.А., 1988). Словом, в самосознании дагестанцев этнические константы занимали свою, вторичную по сравнению с принадлежностью к сельскому обществу, джамаату нишу. Причина же первичности джамаатского самосознания в сравнении с самосознанием этническим видится не только в наличии или отсутствии субэтнических культурно-бытовых различий, языковых диалектов, «общего самоназвания» и т. д. Здесь важна, так сказать, «точка отсчета», понимание социальной и духовной самоорганизации дагестанского общества, базировавшейся на сельской общине гражданского (полисного) типа и соответствующей гражданскому (узденскому) состоянию самосознания и ментальности, важнейшими морально-правыми составляющими которой являлись достоинство личности – гражданина общины (Агларов М.А., 1988), «преувеличенное понятие о мужчине» (Габиев С., 1910), репутация фамилии (тухума), преданность своей общине. Данная ипостась самосознания дагестанцев является конструктивным ядром, компонентом и структурирующим элементом этнического сознания и самосознания дагестанцев. Видимо, неведением этой специфики самосознания дагестанцев объясняется убежденность ряда исследователей в том, что одни народы Дагестана (например, даргинцы) являлись «в потенции существующим этносом», другие (бежтинцы, тиндалы и др.) не имели внутренних и внешних этнических номинаций и т.п.

Как отмечает П.Т. Магомедова, тиндалы не имеют общего самоназвания, а «называют себя по названиям селений». Соседи (чамалинцы, багвалинцы) и аварцы считают их (по названию самого большого селения – Тинди) тиндинцами (Магомедова П.Т., 2000б. С.422). Это не единичный курьез, когда этнос есть, а общего самоназвания как будто бы и нет. Тиндалы, конечно, знают, что именно они и есть тиндалы. Но если спросить уроженцев с. Акнада: «Вы – тиндинцы?», – ответ будет, как правило, отрицательным. Вообще, на вопрос об этнической принадлежности акнадинцы дают неоднозначные, но верные ответы. Разумеется, они называют себя акнадинцами и цумадинцами (общее для багулалов, чамалалов, тиндалов и хваршин самоназвание, возникшее за советский период в связи с объединением этих народов в административных границах Цумадинского района). Однако акнадинец, называя себя тиндинцем, обычно внесет пояснение о том, что они, акнадинцы, как и тиндинцы и эчединцы, являются «людьми одного языка». Ругуджинец тоже не называет себя куядинцем, но это еще не означает, что он вместе с тем же куядинцем, кудалинцем, салтинцем, чохинцем, бухтинцем, обохцем, мегебцем, гонодинцем и т.д. не есть андаляльцы и аварцы. Этим сравнением мы хотим подчеркнуть, что привязанность к родному джамаату (селу или союзу сельских общин) – это особое, «первичное» духовное состояние дагестанца. Его мировосприятие, каким бы безграничным оно ни было, берет свое начало от родного села (Туда оно, в конечном счете, и возвращается). Казалось бы, какое может иметь значение в далекой Турции дагестанское село, оставленное прапрадедами полтора века тому назад, село, которое потомки мухаджиров никогда не видели? В Турции, где все выходцы из Дагестана (аварцы, даргинцы и др.) считаются дагестанцами, а аварский язык как наиболее распространенный среди диаспоры – дагестанским? Но и сегодня на надмогильных памятниках дагестанцам, усопшим в Турции, продолжают писать: «из Ругуджа» «из Акнада», «из Кадара» и т.д.

Этническое самосознание народов Дагестана можно сравнить с «таксономической лестницей», первую ступень которой составляет идентичность с сельским обществом. Так, например, уроженец с. Ругуджа в обществе андаляльцев чувствует себя прежде всего ругуджинцем, среди аварцев вообще он андалялец, для представителей остальных народов Дагестана он – аварец, а для россиян – дагестанец. Но это вовсе не означает, что тот же ругуджинец не ощущает себя в обществе ру-

гуджинцев, андаляльцев, аварцев или в среде остальных народов Дагестана и России и ругуджинцем, и андаляльцем, и аварцем, и дагестанцем, и россиянином. Вопрос в том, насколько та или иная ипостась идентичности того же ругуджинца актуальна и информативна в каждый данный момент коммуникации.

Как явствует из приведенных примеров, проблема состоит не только в сложностях этнической самоидентификации или адекватности восприятия этнических номинаций теми, к кому они относятся, а в попытках «прочитать» и «объяснить» дагестанскую специфику через призму устоявшихся методологических парадигм и типологий «ранжирования» языков, этнических общностей, типов этнического сознания и т.д. Отсутствие апробированных на дагестанских материалах методик фиксации и анализа форм функционирования различных таксономических уровней этнического самосознания существенно осложняет изучение форм проявления этничности, конфигурации этнических констант, объективных и субъективных оснований становления и функционирования этнического самосознания дагестанцев.

Западный Дагестан (т.е. территория современных Ботлихского, Ахвахского, Цумадинского и Цунтинского районов) не подвергся сколько-нибудь значительному этническому смешению населения и в целом продолжает сохранять преемственность сложившейся десятки веков назад уникальной этноязыковой структуры. Оговорка «в целом» сделана здесь не случайно. Дело в том, что центры функционирования некоторых из языков народов Западного Дагестана за истекшие полвека плавно переместились из горных районов на равнину. Процесс этот не обнаруживает признаков развития в обратном направлении и с точки зрения перспектив сохранения языков малых по численности народов Дагестана трудно охарактеризовать как однозначно позитивный. Так, две трети четырехтысячного населения хваршин живет на равнине или в городах, поэтому территория их традиционного обитания в Цумадинском районе уже не является основным ареалом функционирования хваршинского языка и воспроизводства этнокультуры хваршин. Сказанное можно отнести и к тиндалам, общая численность которых достигает, по моим оценкам, до 8 тысяч человек. Исторически в тиндинский союз сельских общин (Богос) входил ряд самоуправляемых сельских обществ (Акнада, Ангида, Эчеда и др.), которые говорят на тиндинском языке, но каждое из которых имеет свой говор.

Тинди – центральное поселение тиндалов, имело черты средневекового города и выступало в роли своего рода метрополии по отношению к обществам, входившим в Богос. Центробежные тенденции и претензии обществ Акнада, Ангида, Эчеда на равное с Тинди положение «метрополия» минимизировала путем предоставления этим обществам внутреннего самоуправления, подчеркнуто уважительного отношения, гостеприимства. Применение в целях обеспечения административно-политического единства силы, которой союз сельских общин Богос (одно из самых мощных в Западном Дагестане и наиболее боеспособных наместников в имамате Шамиля) располагал, исключалось. Так, например, общество Эчеда к середине XIX в. отпочковалось от общества Богос и примкнуло (на «самостийных» началах) к аварскому союзу сельских общин Антльратль, т.е. к обществу с другим (не тиндинским) языком. Таким образом, более полутора веков эчединцы развиваются отдельно от «материнского этноса» и это обстоятельство не могло не отразиться на их самосознании. Эчединцы, разумеется, сознают свое языковое родство со всеми, кто говорит на тиндинском языке и, тем не менее, считают их «другими». Существенным препятствием консолидации тиндалов как этнической общности явилось переселение в 1944 г. в Чечню, а затем в 1958 г. в Кизилюртовский район Дагестана обществ Акнада и Ангида. В наши дни контакты и связи между жителями этих сел и «материнским этносом» (т.е. с тиндалами, проживающими в высокогорном Цумадинском районе, расположенном в 300 километ-

рах от пос. Акнада и Ангида равнинного Кизилюртовского района) носят эпизодический характер. Таким образом, процесс консолидации этого народа в единую этническую общность трудно назвать состоявшимся.

В сложной этноязыковой ситуации находятся также гунзибцы (самоназвание «гунзал»), которые тоже пережили поголовное переселение в 1944 г. в Чечню. По возвращении в 1958 г. в Дагестан часть из них вернулась в свои родные селения Гунзиб, Нахада, Гарбутль и хутора Тодор и Родор Цунтинского района, но большинство осели на равнине. Сегодня примерно из трехтысячного населения этого народа менее 200 человек пока еще осталось в Грузии, около тысячи человек живут в упомянутых выше селениях Цунтинского района, а более половины всех гунзибцев проживает в поселках Стальское и Комсомольское Кизилюртовского района, а также в городах Южно-Сухокумске и Кизилюрте.

Цунтинский район – это один из самых отдаленных от столицы республики и труднодоступных районов Дагестана. Автомобильное сообщение с этим районом затруднено, особенно в зимние месяцы. Близость переселенческих поселений к городским центрам ограничивает возможности сохранения переселенцами традиционного в высокогорной среде обитания образа жизни и поведенческих стереотипов. И в этом видится одна из причин формирования у переселенцев маргинальной этнокультурной идентичности с присущими ей признаками отклоняющегося от традиций поведения, беспечного отношения к родному языку, ослабления родственной и общесельской (джамаатской) солидарности и т.д. Явление это, характерное в той или иной мере всему переселенческому населению, можно было бы рассматривать как следствие модернизации общественного быта и роста культурного уровня, если бы не одно существенное обстоятельство. По культуре русской речи, равно как и по степени приобщения к русскоязычной культуре, не говоря уже о знании иностранных языков, переселенческое население Дагестана занимает отнюдь не высшие в республике позиции.

Исследователи не раз высказывали сомнения относительно соответствия сведений Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1979, 1989 гг. о языковой идентичности реально сложившейся в стране языковой ситуации. Дело в том, что во всех всесоюзных переписях населения, кроме переписи 1926 г., вопрос о родном языке формулировался таким образом, чтобы предполагаемые ответы на него отражали только лишь факт признания какого-либо языка родным, но не языковую компетенцию. Более того, при проведении указанных переписей населения ряд народов СССР, в том числе андо-цезские народы и арчинцы в качестве самостоятельных этносов-народов, не выделялись и не фиксировались.

Еще одним «этнографическим курьезом» можно назвать то, что сказано о «коренных малочисленных народах» Республики Дагестан в Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», принятом 5 марта 1999 г. Первая статья этого закона гласит: «Учитывая уникальность этнического состава населения Республики Дагестан по числу проживающих на ее территории народов, Государственный Совет Республики Дагестан определяет количественные и иные особенности ее коренных малочисленных народов, а также устанавливает перечень этих народов с последующим включением его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации». Стало быть, не естественная природа и история народонаселения, не Господь Бог, а власть «определяет количественные и иные особенности коренных малочисленных народов»?!

С культурологической точки зрения все языки уникальны. Формально в конституциях абсолютного большинства стран мира провозглашено равенство языков, рас, народов, религий. Однако сама природа народонаселения как бы предопределила статусную и функциональную неравнозначность языков, отличающихся по числу носителей, богатству исторически сложившихся

культурных традиций, международному авторитету и т.д. Собственно этим и объясняется существование узаконенной международными и национальными правовыми актами социально-политической «иерархии» языков.

По Конституции государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. Субъекты РФ имеют право закреплять в республиканских конституциях в качестве государственных языков, наряду, разумеется, с русским языком, и местные языки. Так, по Конституциям Татарстана, Башкортостана, Калмыкии, Бурятии, Чувашии государственными являются языки титульных народов. В Конституциях республик Мари Эл, Мордовия, Кабардино–Балкария государственными языками значатся, соответственно, марийский (горномарийский и луговомарийский), мордовский, кабардинский и балкарский языки. В Карачаево–Черкесской республике государственными считаются абазинский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский и ногайский языки.

В Дагестане к конституционным отнесены 14 языков (это русский, аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, чеченский и цахурский языки). Статус остальной дюжины дагестанских языков, а именно: андийского, арчинского, ахвахского, багулальского, бежтинского, ботлихского, гинухского, годоберинского, гунзибского, дидойского (цезского), каратинского, тиндинского, чамалинского, хваршинского, в Конституции Дагестана не определен.

Цель придания языку того или иного статуса состоит не только в символической записи в Конституции, но и в обеспечении государством правовых гарантий свободного функционирования тех или иных языков. Что касается сфер применения родного и русского языков, то они определяются волеизъявлением того или иного народа, его потребностями, интеллектуальными и материальными возможностями, объективно сложившейся этноязыковой ситуацией, обстоятельствами и факторами внеязыкового характера. Наивно полагать, что на республиканском или федеральном уровнях могут быть поддержаны проекты по возложению на дагестанские языки заведомо непосильных социально-культурных функций, например использование дагестанских языков в сфере высшего образования, науки, или же создание для всех без исключения народов Дагестана «национальных» театров, телекомпаний и т.п.

Вместе с тем использование родного языка в различных сферах жизни является базовым условием сохранения этнокультурной идентичности уже по той причине, что многие компоненты бытовой и художественной культуры этноса существуют благодаря функционированию языка этноса (например, устное народное творчество, народная песенная культура, национальная литература, национальный театр и т.д.).

Незнание родного языка, его вытеснение из бытовой речи становятся существенной этнокультурной и этнопсихологической характеристикой значительной части дагестанской молодежи. Возникающий в этой связи «этнокультурный вакуум» замещается такими способами актуализации этничности, как социальное самоутверждение, достижение престижных позиций в бизнесе, в образовании, науке, художественном творчестве, государственной службе, в спорте и т.д.

Культурный плюрализм – это, можно сказать, естественное состояние дагестанского общества. Другое дело, что в различные исторические периоды менялись (или меняли) культурные ориентации, приоритеты культурной политики.

Функционирующий на языках народов Дагестана фонд культуры не может в полной мере удовлетворять возрастающие культурные запросы современных дагестанцев. Однако современные тенденции развития этноязыковых процессов в Дагестане отмечены свертыванием социальных функций и ограничением сфер

употребления родных языков с давно устоявшимися пределами семейного и сельского быта. Сказанное в полной мере относится и к освоению авароязычной культуры как собственно аварцами, так и этносами, к ним относящимся.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агларов М.А.*, 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.
- Габиев С.*, 1910. Обычный суд и военно-народное управление // «Мусульманин». № 16. Париж.
- Гамзатов Г.Г., Шихсаидов А.Р., Гаджиев М.С., Абдуллаев И.Х., Исаев А.А., Алибекова П.П.*, 2006. За плечами Дагестана – тысячелетний опыт культуры письма // Словесная культура Дагестана. Логика формирования и опыт тысячелетия. Школа и проекты академика Г.Г.Гамзатова. Махачкала.
- Джидалаев Н.С.*, 2000. Хваршинкий язык // Языки Дагестана. Махачкала–М.
- Джидалаев Н.С.*, 2004. Тенденции функционального развития языков в дореволюционном Дагестане. Махачкала.
- Лугуев С.А.*, 1994. Ахвахцы // Народы России. Энциклопедия. М.
- Магогомедбекова З.М.*, 2000. Ахвахский язык // Языки Дагестана. Махачкала–М.
- Магомедова П.Т.*, 2000 а. Багвалинский язык // Языки Дагестана. Махачкала–М.
- Магомедова П.Т.*, 2000 б. Тиндинский язык // Языки Дагестана. Махачкала–М.
- Панек Л.Б., Шиллинг Е. М.*, 1996. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала.